

РЕВНИТЕЛИ И ПОТАКОВНИКИ: ПЯТЬ ВЕКОВ РУССКОГО СПОРА О ВЛАСТИ

Кореневский Андрей Витальевич

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
koren@sfedu.ru

Аннотация. Статья представляет собой введение к теме номера, посвященной различным аспектам многовековой полемики отечественных интеллектуалов о прагматике и аксиологии политики. В качестве аллюзии, проблематизирующей эту тему, выбрано заглавие некогда популярного романа Д.Л. Мордовцева, посвященного конфликту сторонников и противников Петровских преобразований, в котором автор увидел продолжение русского спора о власти: должна ли она служить людям, либо, наоборот, человек обязан приносить себя в жертву Молоху державной мощи; подобает ли властвующему подчиняться нравственным и религиозным императивам («идеалам»), или оправданием его действий является прагматика власти («реализм»)? Рассматривая данную коллизию с позиций интеллектуальной истории и дискурс-анализа, автор видит в этой полемике, начатой задолго до Петра I и не завершенной до сих пор, одну из ключевых тем русской общественно-политической мысли. В то же время для постижения сути этого спора важно понимание не только позиций и мотивации сторон, но и того, как само государство воздействовало на ход данной дискуссии. В этом плане особое символическое значение имеет событие, произошедшее ровно пять веков назад: в 1522 г. прямым вмешательством власти была прекращена полемика иосифлян и нестяжателей — первая русская идейно-политическая дискуссия, которой было позволено продолжаться ровно до той поры, пока одна из сторон не убедила власть в готовности быть ее «потаковниками». Именно так Андрей Курбский, видевший в поражении нестяжателей предвестие опричнины, называл приспешников власти, противопоставляя их «ревнителям» — неконформистам, людям, руководствующимся не интересами, а ценностями.

Ключевые слова: русская общественно-политическая мысль, прагматика и аксиология власти, Д.Л. Мордовцев, Петровские реформы, Андрей Курбский, иосифляне и нестяжатели, митрополит Даниил, опричина.

Цитирование: Кореневский А.В. Ревнители и потаковники: пять веков русского спора о власти // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 8–28. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-8-28 / Korenevskiy A.V. Zealots and Indulgents: Five Centuries of the Russian Debate on Power, in Novoe Proshloe / The New Past. 2022. No. 2. Pp. 8–28. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-8-28.

© Кореневский А.В., 2022

ZEALOTS AND INDULGERS: FIVE CENTURIES OF THE RUSSIAN DEBATE ON POWER

Korenevskiy Andrey V.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
koren@sfedu.ru

Abstract. The article is an introduction to the main theme of the issue dedicated to various aspects of the centuries-old polemic of Russian intellectuals about pragmatics and axiology of politics. As an allusion problematizing this topic, the title of the once popular novel by D.L. Mordovtsev, dedicated to the conflict of supporters and opponents of Petrine reforms, was chosen, in which the author saw the continuation of the Russian dispute on power: should it serve people, or, vice versa, a person is obliged to sacrifice himself to the Moloch of the autocratic power; is it appropriate for a ruler to obey moral and religious imperatives (“ideals”), or the pragmatics of power (“realism”) is the justification for him? Considering this conflict from the standpoint of intellectual history and discourse analysis, the author looks at this polemic, which began long before Peter the Great and has not been completed until now, one of the key themes of the Russian socio-political thought. At the same time, to apprehend the essence of this debate, it is important to understand not only the positions and motivations of the disputers, but also how the state itself influenced the course of this discussion. In this regard, an event that took place exactly five centuries ago has a special symbolic significance: in 1522, the direct interference of the authorities stopped the polemic of the “Iosifites” and the “Non-possessors” – the first Russian ideological and political discussion, which was allowed to continue exactly until one of the parties convinced the authorities of their readiness to be its “indulgents”. This is exactly how Andrei Kurbskii, who considered the defeat of the Non-possessors as a harbinger of the Oprichnina, called the henchmen of the authorities, contrasting them with “zealots” – nonconformists, people guided not by interests, but by values.

Keywords: Russian socio-political thought, pragmatics and axiology of power, D.L. Mordovtsev, Petrine reforms, Andrei Kurbskii, Iosifites and the Non-possessors, Metropolitan Daniel, Oprichnina.

Нѣсть проклятѣе потаковника злобамъ

Измарад

ЗЫБКОСТЬ ДЕМАРКАЦИЙ

Задумывая обратиться к неизбежно злободневной теме отношений интеллектуалов и власти в нашей стране, мы выбрали литературную аллюзию, которая, раскрывает эту проблему не с самого «освоенного» историографией ракурса. Какой бы дихотомией ни вооружились мы при рассмотрении русских идейно-политических баталий – западники и славянофилы, либералы и консерваторы, прогрессисты и охранители – не избежать подспудного чувства, что как бы тщательно ни анализировалась вся сумма сведений, нечто существенное для понимания остается за рамками объяснительной схемы, неоправданно упрощается или даже искажается. С одной стороны, не будем забывать, сколь условны любые маркеры политической принадлежности, а в России – особенно. Увы, есть некоторая доля истины в хлесткой сентенции маркиза Астольфа де Кюстина: «Россия – страна фасадов» [Кюстин, 1994, с. 94]. Нет нужды приводить примеры (каждый и сам припомнит изрядное их количество), как часто в российской действительности названия-этикетки совершенно не соответствуют существу высказываемых и реализуемых на практике идей. К тому же, именно вследствие этой игры словами любой политический термин в нашей стране рано или поздно превращается в пейоратив и замещается эвфемизмами. С другой стороны, и сами разделительные линии между политическими оппонентами оказываются порой весьма условными.

Достаточно вспомнить, сколь сложным, но неизменно взаимно уважительным и далеким от плоскостного представления об идейном антагонизме, было отношение друг к другу славянофилов и западников. Другой пример – трудности в установлении демаркации между либералами и консерваторами в России начала XX в. Неизбежным следствием этого становятся попытки историков выстроить терминологический градиент посредством таких понятий, как «консервативный либерализм» [Нарский, 2001], «либеральный консерватизм» [Струве, 1994; Пустарнаков, 2001], «либерально-консервативный синтез» [Баранов, 2010], маркирующих различные промежуточные и переходные формы между двумя этим идейными течениями. Наконец, последнее по порядку, но не по значению – это то, что во всех перечисленных подходах присутствует слишком много политического и социального, но очень мало человеческого. Пометив государственных и общественных деятелей соответствующими этикетками, мы можем нанести на политическую и ментальную карту эпохи их идеи и поступки, что само по себе, разумеется, немаловажно. Но как далеко это продвинет нас в понимании того, что побуждало людей прошлого думать и действовать именно так, а не иначе – их мотивы и чаяния, надежды и страхи, представления о мире и своем месте в нем? А ведь это – как раз то, к чему тяготеет современное историческое знание, стремящееся быть наукой «о людях во времени», «встречей людей в веках» [Блок, 1986, с. 18, 82].

Для историка, который «хочет увидеть людей» [Блок, 1986, с. 18], при всей значимости адекватной интерпретации идейно-политических контrovers, не менее — если не более — важным было бы понимание носителями этих идей самого феномена власти и их отношение к ней. Если вслед за У. Эко понимать под интерпретацией процесс «выуживания из автора ответа на вопрос, который ему пока не задавали» [Эко, 2003, с. 163–164], то такому историку предельно важны «отклики» исследуемых им деятелей прошлого на вопрошания, так или иначе созвучные вечным русским «проклятым вопросам», но актуальные и для нас — сегодняшних: каково в их понимании соотношение прагматики и аксиологии власти, является она целью или средством, и оправдывается ли второе первым; должно ли государство служить людям — их счастью (или спасению?), безопасности, благополучию, либо, наоборот, человек обязан безропотно повиноваться и приносить себя в жертву Молоху державной мощи? Наконец, стóит ли власть и все творимое ею «слезы ребенка» — или, иными словами, приложимы ли к политике нравственные критерии, а если да, то каковы их основания и пределы?

Русская философская и общественно-политическая мысль содержит немало суждений на темы утилитарного и ценностного отношения к власти, разнящиеся по содержанию, афористичности и эвристическому потенциалу. Если же, как заведено в традиции нашего журнала, обратиться в поисках емкой метафоры этой коллизии к литературе как генератору смыслов и зеркалу своего времени, то мы предлагаем остановить свой выбор на историческом романе Даниила Лукича Мордовцева «Идеалисты и реалисты». Хотя имя этого автора не принято вносить в «святцы» русской словесности, в его произведениях, и в первую очередь — в названном романе, нам видится отражение ключевых мотивов многовекового русского спора о власти именно в ракурсе ее прагматики и аксиологии.

РУССКИЙ ВАЛЬТЕР СКОТТ

Сегодня Д.Л. Мордовцева (1830–1905) принято относить к категории «полузабытых имен» отечественной литературы, однако при жизни его считали соперником таких признанных мастеров исторической беллетристики, как Г.П. Данилевский и Е.А. Салиас, а критики называли Мордовцева «российским Вальтер-Скоттом». Первый биограф писателя П.В. Быков, признавая справедливым такое сравнение, тем не менее подчеркивал, что русскому читателю его сочинения дороже книг великого шотландца, «потому что в Мордовцеве гармонично сочетались родственные ему черты английского поэта, романиста и историка и богатая романтическая фантазия, высокий полет мысли, художественная простота и чарующая увлекательность со всем этим прекрасным, симпатичным, чем полна благородная русская душа, умеющая любить и страдать, умеющая быть великой...» [Быков, 1914, с. XXXVIII]. Впрочем, именно в том произведении Мордовцева, заглавие которого мы вынесли в тему номера, эта «романтическая фантазия» если и присутствует, то отнюдь не является его ведущей темой. В романе «Идеалисты и реалисты» есть и мечтательные тонко чувствующие

персонажи, и сцены, исполненные лиризма, но все это, по замыслу автора, необходимо лишь для того, чтобы предельно контрастно показать драму столкновения этих душ, «умеющих любить и страдать», с бездушной машиной петровского абсолютизма. Петр Великий в изображении Мордовцева предстает воплощением «реализма» — доведенного до крайности, до полного расчеловечивания, рационально-прагматического отношения к политике, государству и его подданным. Сам царь всецело отдает себя в жертву Молоху державной мощи и, не задумываясь, готов положить на этот алтарь любого, включая собственного сына. Даже когда в его поведении проступает нечто отдаленно напоминающее эмоции, это настолько бесчеловечно, что не может не вызывать оторопь. Вот, Петр поднимается на эшафот, чтобы проститься с Марией Гамильтон, целует ее в губы и изрекает свою последнюю милость: «Рука палача не коснется тебя». Но... «Палач не коснулся тела красавицы, коснулось только холодное железо...» [Мордовцев, 1989, с. 175]. И едва голова Марии падает с плеч, Петр поднимает ее, целует в мертвые уста и тут же принимается объяснять «тем, которые стояли ближе к эшафоту»: «Вот сии жилы именуются венами, и в них течет кровь венная, а сии — артерии, и в них течет кровь артериальная, которая нарочито от первой различается» [Мордовцев, 1989, с. 176].

Вокруг императора толпятся «реалисты» иного рода — те, кто предпочитает синицу в руке журавлю в небе, твердо знает, что «плетью обуха не перешибешь» и принимает как данность служение Молоху власти, «которому должно было служить всё, как падишаху, не рассуждая, не чувствуя, даже не понимая его» [Мордовцев, 1989, с. 33]. В трактовке Мордовцева все эти «реалисты» — вовсе не изверги по природе, а просто *трезво мыслящие* люди, принимающие реальность такой, какова она есть. И даже творимое ими зверство выглядит как-то буднично, отчего становится еще страшнее. Таков, например, грозный начальник Тайной канцелярии Андрей Иванович Ушаков, «который собственно по наружности был совсем не грозен». У него и пытка — «пыточка», и выражение «смертная казнь» Андрей Иванович «всегда старался смягчить тем, что слово “казнь” писал с “ерем” в середине, “казнь”» [Мордовцев, 1989, с. 280]. Другой такой «с реальным мозгом человек» — пензенский мещанин Федор Каменщиков, который доносит на главного героя не из страха или потому, что так велит ему долг, но лишь для того, чтобы извлечь выгоду, «пожизниться, выслужиться перед властями» [Мордовцев, 1989, с. 277].

Этому бездушному «реализму», который мы бы, скорее, назвали прагматизмом, утилитарным отношением к людям и самой власти, в романе противостоят люди, для кого идеалы и ценности — духовные, религиозные, нравственные — важнее интересов и выгоды: «Против реализма начала XVIII века, реализма, в фокусе которого стоял Петр I, боролся такой же могущественный и едва ли не более реализма устойчивый идеализм, который приютился в поклонниках старины, в расколе, ушедшем в леса, дебри и пустыни и умиравшем, умиравшем бесстрашно, геройски, на кострах, на плахе, на кольях и от самосожжения, — идеализма, который господствовал и в мягкой, поэтической душе царевича Алексея Петровича, хотевшего лучше отказаться от могущественного трона всероссийского, чем от своего “друга

сердешново Афрасиньюшки” и от своих демократических симпатий» [Мордовцев, 1989, с. 32–33]. Выразителем этого начала предстает в романе Василий Левин – отставной капитан, двадцать лет прослуживший царю и год за годом, находясь вблизи власти, проникавшийся все большим ее неприятием, убежденностью в бесчеловечной и безбожной природе не только власти, но и самого царя – «страшный образ апокалипсического антихриста, с его соблазнами, направленными на разрушение мира, с его таинственною “печатью” – погибельным клеймом этого всеильного, человеконенавистного зверя» [Мордовцев, 1989, с. 32].

Столь радикальная трактовка Петровских преобразований и самого их творца, условно, шла в разрез с устоявшейся традицией, в которой даже самые нелицеприятные суждения о личности и деяниях первого императора не перевешивали общей апологетической оценки. Реакция была вполне закономерной: в обширной (в двух частях) статье Н.Н. Соколова, посвященной «новой точке зрения на личность Петра» [Соколов, 1894а, с. 198], Мордовцев был назван «родоначальником наших Вальтер–Скоттов – могильщиков», «невежественных и своекорыстных антагонистов Петра» [Соколов, 1894б, с. 182].

Следует отметить, что обвинения Мордовцева в невежестве были совершенно голословны. Писателя хорошо знали не только в литературных, но и в академических кругах: он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, его наставником был И.И. Срезневский; позже Мордовцев сблизился с Н.И. Костомаровым, А.Н. Пыпиным и В.И. Ламанским, которые ходатайствовали о его приглашении на кафедру русской истории Петербургского университета [Быков, 1914, с. XIII]. И хотя Мордовцев отказался от профессорской карьеры, в течение всей жизни он публиковал в научных журналах свои изыскания на исторические темы. Поэтому его трактовка Петровских реформ в романе «Идеалисты и реалисты» – это не только литературный, но и, в некотором смысле, историографический факт.

Также беспомощна была попытка Соколова опровергнуть трактовку Мордовцева отсылкой к историческому контексту – указанием на то, что не только в Петровскую эпоху, но и во времена Ивана Грозного, Михаила Федоровича и его «тишайшего» наследника жестокость представляла собой «обычное явление почти во всех актах государственной и общественной жизни» [Соколов, 1894б, с. 164]. Мордовцев вовсе не считал коллизию, вынесенную в заглавие его романа, присущей только Петровской эпохе. Ее укорененность в предшествующей истории выражена в романе устами старовеера, проповедующего учение Григория Талицкого о восьмом царе – Антихристе: «Восемь и есть: царь Иван Грозный – это раз, царь Федор – это два, царь Борис – это три, царь – Шуйской – это четыре, царь Михаил Федорыч – это пять, царь Алексей Михайлыч – это шесть, царь Федор Алексеич – это семь, а за ним Петр – восьмой: он и есть антихрист» [Мордовцев, 1989, с. 226–227].

Откровенной издевкой над символикой власти, восходящей к допетровским временам, звучит и параллель между Москвой и Римом: «Тарпейская скала была для классически глупого Рима местом публичной казни государственных преступников.

Такою Тарпейскою скалою в старой Москве было Болото. Неувядаемую славу в истории русского народа стяжало Болото в особенности в XVII и XVIII веках. Какие стада раскольников пережгли там на кострах, сколько голов было там отрублено, все в силу той же неувядаемой человеческой глупости, какие звери не перебивали на этом Болоте и в качестве казнимых, и в качестве казнящих!» [Мордовцев, 1989, с. 307]. Таким образом, Москва наследует от Рима не всемирное значение и державное величие, как это явствовало из «Сказания о князьях Владимирских», посланий Филофея и «Повести о белом клобуке», а «неувядаемую глупость», коей, с точки зрения Мордовцева, равнозначна бесчеловечная жестокость власти.

ПРЕДШЕСТВЕННИК И ОБРАЗЕЦ

Параллель между Петровской эпохой, Смутой и временем Ивана Грозного выдает историческую пронизательность Д.Л. Мордовцева. О том, что сам «державный плотник» брал пример с Ивана Грозного, свидетельствуют слова Петра I, вынесенные в заголовок этого раздела. Да и сказанное им далее о творце опричнины вполне созвучно тому, как представлен петровский «реализм» в романе Мордовцева: «Я всегда представлял его себе образцом моего правления в гражданских и воинских делах, но не успел еще в том столь далеко, как он. Глупцы только, коим не известны обстоятельства его времени, свойства его народа и великие его заслуги, называют его мучителем» [Голиков, 1938, с. 59–60].

Памятники общественной мысли XVII и первых десятилетий XVIII в. также говорят о том, что люди этих эпох постоянно обращали свой взор ко временам опричнины, чувствуя, что именно там кроются корни их бед. Об этом, в частности, говорит тот факт, что обличительные послания князя А.М. Курбского, адресованные Ивану Грозному, и его «История о великом князе Московском» входят в круг чтения русских книжников лишь в XVII в., и продолжают активно цитироваться и переписываться на протяжении всего XVIII и даже XIX в. При этом прижизненными или незначительно отстоящими от смерти «первого русского диссидента» [Филюшкин, 2008, с. 10] является ничтожное число списков [Ерусалимский, 2009, с. 19], а в виде так называемых «сборников Курбского» произведения князя становятся известны значительно позже: «наиболее ранние отстоят на столетие от времени жизни самого князя» [Ерусалимский, 2015, с. 288].

Столь значительный временной лаг дал основание американскому слависту Э.Л. Кинану поставить под сомнение подлинность переписки Курбского с Иваном Грозным, сославшись на так называемый аргумент «ex silentio» [Keenan, 1971, p. 49], т. е. если в источниках, современных некоему лицу или явлению, отсутствуют упоминания о нем, то скорее всего этого на самом деле и не было. По мнению Кинана, текстологические параллели между сочинениями беглого князя и публицистами рубежа XVI–XVII вв., в первую очередь — Исаяи Каменчанина, И.А. Хворостинина и С.И. Шаховского, говорят не о том, что это — цитаты из сочинений Курбского,

а, наоборот — что они стали исходным материалом, из которого неизвестные компиляторы смастерили свой апокриф [Keenan, 1971, p. 38].

Следует отметить, что монография Кинана появилась на волне набравшего силу «конструктивистского поворота» и в известном смысле предвосхитила появление одного из базовых текстов этого интеллектуального движения — коллективную монографию под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера «Изобретение традиции» [The Invention of Tradition, 1983]. Тем не менее, задолго до появления этого сборника и книги Кинана была доказана методологическая шаткость подобных построений. В частности, применительно к новозаветной текстологии была обоснована несостоятельность *argumentum ex silentio* — тезиса о «молчании века», выдвинутого «мифологической школой» [Мень, 1992, с. 247–256]. Как остроумно заметил один современный текстолог, апелляции к *argumentum ex silentio* не обладают доказательной силой, поскольку у современников могла быть тысяча причин не говорить о тех или иных событиях или людях: следуя этой логике, надо и все известия о Семилетней войне признать «апокрифом», коль скоро Иммануил Кант — не только ее современник, но и очевидец — не упомянул об этом катаклизме ни разу [Стоик (Шубин), 2013].

То, что Кинан, а позже — Э. Хобсбаум и его последователи, принимают за апокриф, фиктивную отсылку к прошлому и даже его «изобретение», есть не что иное, как эффект селективной актуализации прошлого опыта, хорошо знакомый антропологам [Williams, 1961, p. 66; Humes, 1975, p. 353; Bendix, 1997, p. 211], и задолго до этого в блестящей афористической форме описанный К. Марксом в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» [Маркс, 1957, с. 115]. Иными словами — и к этому, собственно, сводятся итоги тридцатилетней дискуссии — концепция Кинана является классическим примером «умножения сущностей», тогда как все намного проще: очевидцы Смуты, люди «бунташного века» и современники Петровских реформ были озабочены теми же проблемами, что и беглый князь, и в его страстных филиппиках угадывали реалии своего времени. Безусловно, им были близки идеи Курбского об inferнальном характере тирании Ивана Грозного. Отсюда — очевидные созвучия между сочинениями князя и публицистикой эпохи Смуты, полемическими произведениями старообрядцев, легендой о «подмененном царе» и ее «религиозным двойником» — учением Григория Талицкого о Петре Антихристе [Чистов, 2003, с. 148].

Но, пожалуй, не в меньшей степени читателей Курбского волновали его размышления о причинах превращения божьего помазанника в тирана и предтечу Антихриста, и почему в «предобрый русских князей род всъял диявол злые нравы» [Курбский, 1986, с. 218]? Считавший себя учеником Максима Грека и обладавший обширными богословскими познаниями, Курбский рассматривал личность Ивана Грозного с позиций православного учения о синергизме — взаимодействии божественной благодати и свободной человеческой воли, поэтому он искал ответ на вопрос: как и почему произошло внутреннее перерождение царя, что пробудило и взрастило в его душе лютого зверя? Ответ Курбского вполне определен: главную вину он возлагает на ближайшее окружение Ивана — тех, кто по душевной слабости или из корыстных

побуждений потворствовал низменным страстям царя с тех самых пор, когда двенадцатилетний подросток стал проявлять свои живодерские наклонности — «начал первые безсловесных крови проливати, с стремнинь высокихъ мечуще ихъ» [Курбский, 1986, с. 222]. Позже, вслед за животными, жертвами молодого царя стали люди, но «ласкатели» и в этом видели повод для восхваления юного деспота: «О, храбрь, — глаголюще, — будет сей царь и мужествень!» [Курбский, 1986, с. 222].

Однако корни этого зла Курбский находит еще раньше — во времена правления отца создателя опричнины Василия III, характеризуемого им, как «великий, паче же в прегородости и в лютости, князь» [Курбский, 1986, с. 220]. Именно Василием были приближены к трону «лютости его скорые послушницы и во всѣх злыхъ потокав-ницы» [Курбский, 1986, с. 220]. Выбрав для именованя этой клики столь точное и емкое слово, одновременно указывающее и на потворство, угождение злу, и на его поощрение [Срезневский, 1902, стб. 1286], Курбский многократно использовал его и в «Истории», и в посланиях. Так, уже в первом послании Ивану Грозному он объясняет мотивы своего бегства нежеланием быть «потаковником» царю, который «льет кровь кристьянскую, яко воду, и выгубил уже сильных во Израили» [Переписка..., 1979, с. 9].

Едва ли не главными «потаковниками» власти он называет последователей Иосифа Волоцкого — «презлых осифлян» [Курбский, 1986, с. 220], обвиняя их в забвении высшего предназначения церкви — быть «столпом и утверждением истины» (1 Тим. 3, 15) — и раболепстве перед властями предержажими: «Бо тѣ мнихи боготолубные не зрят богоугодаго, а не совѣтуют по разуму духовному, чему были должны суще паче в мирѣ живущих челоувѣков, но всячески со прилѣжанием слушають, чтобы угодно было царю и властем» [Курбский, 1986, с. 264].

Хотя Курбский, вопреки распространенному мнению, не является автором самого слова «иосифляне» (в форме «осифовляне», причем в качестве пейоратива, оно фиксируется уже в середине 80-х гг. XVI в., когда сочинения князя еще не были широко известны [Челобитная царю..., 1841, с. 410]), хрестоматийное противопоставление «злых» иосифлян «добрым» нестяжателям, несомненно, унаследовано историографией и публицистикой от «первого диссидента». Потакание власти и пособничество в ее преступлениях Курбский объясняет самыми низменными мотивами последователей волоцкого игумена: «чем бы угодно бы выманити имѣния к монастырем или богатство многое и жити в сладострастиях скверных яко свиньям питающесе, а не глаголю, в калѣ валяющесе» [Курбский, 1986, с. 264]. Конечно же, здесь Андрей Михайлович допустил несомненный полемический перехлест. Разумеется, никакого подобного непотребства в Иосифо-Волоцком монастыре, известном строгостью своего устава, быть не могло. Да и «выманити имѣния» для церкви при Иване III, его сыне и внуке было совершенно неактуально. Как раз наоборот: периодически возникавшее у московских правителей искушение поживиться церковной собственностью побуждало Иосифа Волоцкого, а позже — митрополитов Даниила и Макария, старца Филофея и многих других защитников церкви убеждать царствующих не зариться на «данное Богови в наслѣдие вѣчныхъ благъ на память послѣднему роду» [Филофей, 1984а, с. 438].

Современная историография не склонна сводить полемику иосифлян и нестяжателей исключительно к теме церковного землевладения [Алексеев, 2011, с. 78–85]. Да и обвинения последователей волоцкого игумена в политической беспринципности требуют существенного уточнения. По крайней мере, это необходимо в отношении самого преподобного Иосифа. Парадокс заключается в том, что многим высказываниям Курбского о царе-мучителе можно найти текстуально близкие параллели в сочинениях Иосифа Волоцкого. Значительную часть 7-го «слова» его трактата «Просветитель» составляет пересказ учения Агапита о царской власти, причем в выражениях, весьма созвучных суждениям Курбского об inferнальном характере тирании: «Царь бо Божій слуга есть, къ человекуъ милостию и казнию. Аще ли же есть царь, над человеки царствуя, над собоюже иматъ царствующа скверныя страсти и грѣхи, сребролюбіе и гнѣвъ, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣишеже всѣх, невѣріе и хулу, таковый не Божій слуга, но діаволь, и не царь, но мучитель» [Иосиф Волоцкий, 1896, с. 287].

Однако все изменилось на церковном соборе 1503 г., когда Иван III, отказавшись от планов провести руками нестяжателей секуляризацию церковной собственности, пошел на союз с иосифлянами, дабы обеспечить прочный идеологический тыл своей власти. Обе стороны проявили «политический реализм». С одной стороны, иосифляне, получив гарантии неприкосновенности церковной земельной собственности, не только отказались от критики власти, но и приложили немалые усилия к ее идеологической поддержке. С другой стороны, Иван III, в духе традиционной политики «гнезда Калиты», обеспечил тем самым лояльность церкви, которая не только обладала огромным ресурсом влияния, но и представляла собой — именно как «столп и утверждение истины» — едва ли не единственный канал обратной связи между обществом и политической элитой. Эта социальная функция воплощалась в долге и праве духовенства «наставлять и печаловаться», т. е. от лица Бога и церкви давать моральную оценку власти и заступаться за неправое ею преследуемых. Лояльность церкви, купленная ценой отказа от секуляризации, позволяла надеяться, что на пике политических противоречий, когда правителю придется проявить неразборчивость в средствах, выходящую за рамки законов божеских и человеческих, данный канал связи будет отключен. При этом со стороны Иосифа Волоцкого примирение с Иваном III отнюдь не выглядело моральной капитуляцией и беспринципным угодничеством. Наоборот, он действовал в полном соответствии с теми принципами православного политического богословия, которые излагал в «Просветителе». Кроме того, великий князь уступил Иосифу и в другом требовании — беспощадной борьбе с еретиками, не исключая ближних вельмож и родственников самого государя.

Финал этой драмы разразился через год: в декабре 1524 г. впервые в России запылали инквизиционные костры, а менее, чем через месяц в темнице скончалась главная заступница еретиков — сноха великого князя Елена Волошанка. Но, как писал Маркс, история повторяется дважды — «первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» [Маркс, 1957, с. 115].

НЕЗАМЕЧЕННАЯ ГОДОВЩИНА

Ровно 500 лет назад произошло событие, которому А.М. Курбский в своем ретроспективном анализе причин моральной деградации правителей и «погубления Святорусского царства» придавал особое значение. На исходе 1521 г. завершился десятилетний период повторного сближения власти и нестяжателей: 18 декабря по воле великого князя Василия III «остави митрополию Варлаам митрополит и соиде на Симоново; а съ Симоново сослан въ Волгоцкой уѣздъ на Каменое» [Софийская вторая летопись, 1853, с. 264]. Вскоре, 27 февраля 1522 г. состоялась интронизация нового митрополита — игумена Иосифо-Волоколамского Успенского монастыря Даниила, ученика и преемника основателя обители, по словам князя Курбского — «прегордаго и лютаго и ото вселукавых мнихов, глаголемых осифлянских» [Курбский, 1986, с. 262]. За что же Даниил удостоился столь нелестных характеристик?

За десять лет до указанных событий Василий III попытался повторить маневр своего отца — приблизить нестяжателей и помочь им возглавить церковь, дабы их руками осуществить секуляризацию. Однако с течением времени он, как и Иван III, понял, что за решение земельного вопроса придется заплатить неприемлемую для государства цену — утратить контроль над церковью, которая в результате секуляризации станет бедной, но свободной. К тому же, младшее поколение нестяжателей во главе с Вассианом Патрикеевым проявляло в социальных и политических вопросах куда больший радикализм и еще большую несговорчивость с властью, чем их предшественники. Более того, нестяжатели привлекли на свою сторону прибывшего в Россию в 1518 г. ученого афонского монаха Максима Грека, а тот вел крамольные беседы с И.Н. Берсень-Беклемишевым, князьями И. Токмаком и А. Холмским, другими придворными и дьяками, недовольными тем, что в отличие от Ивана III его сын «людей мало жалууетъ» и «сам третей у постели всякіе дѣла дѣлаетъ» [Отрывок следственного дела..., 1836, с. 142]. Иными словами, младшее поколение нестяжателей демонстрировало еще меньше желания быть «потаковниками» власти, чем старшее.

В историографии принимается, хотя и с оговорками, версия С. Герберштейна, согласно которой поводом к смещению Варлаама стало арест новгород-северского князя Василия Шемячича, которому до этого были даны митрополитом гарантии его безопасности. По словам дипломата, Варлаам будто бы сказал великому князю: «Раз ты присвоишь всю власть себе, я не могу отправлять своей должности» [Герберштейн, 2008, с. 125]. А.А. Зимин, отмечая, что клятвопреступление по отношению к Шемячичу произошло позже, высказал предположение, что речь, видимо, шла о первой попытке заманить князя в Москву и нежелании Варлаама участвовать в этом [Зимин, 1972, с. 255]. Соответственно, несговорчивость Варлаама и предредила его судьбу. Так или иначе, казус Шемячича действительно весьма показателен. Он убедил Василия III, что сделанная им ставка на Даниила была правильной: когда князь, несмотря на наличие охранной грамоты, был арестован, митрополит не стал о нем «печаловаться». Примечательно, что А.А. Зимин, подобно Курбскому, видел в этих событиях предзнаменование опричнины: «Во время

приезда Шемячича в Москву какой-то юродивый ходил по улицам с метлой и лопатой и свое странное поведение объяснял тем, что «теперь настанет удобное время для метения, когда следует выбросить всякую нечисть». Метла позднее сделалась символом опричников...» [Зимин, 1972, с. 256].

Но помимо устранения Шемячича Василия III волновала и более сложная проблема, в решении которой поддержка церковной иерархии была жизненно необходима – развод с Соломонией Сабуровой и последующая женитьба на Елене Глинской. Великий князь понимал, что идти на такое беспрецедентное поспание канонических и моральных норм придется наперекор «многимъ святым и преподобным, не токмо мнихом, но и сигликтом его» [Курбский, 1986, с. 220], а потому жесткая селекция московской элиты становилась неизбежной. Суд и заточение Максима Грека и Вассиана Патрикеева, опала и гибель Семена Курбского, казнь Берсень-Беклемишева – такова была участь тех, кто не желал стать «потаковниками» власти.

Тем не менее следует подчеркнуть, что при всей ненависти Курбского к «ласкателям» и «человекогодникам», проложившим путь к опричному террору, он не склонен был отождествлять их со всеми иосифлянами. Хоть князь и называет последователей волоцкого игумена «презлыми», а митрополита Даниила – «прегордым и проклятым» [Курбский, 1986, с. 264], личная позиция каждого участника описываемой им драмы представлялась князю более важной, чем «партийная» принадлежность. Так, переходя к мартирологу жертв опричнины, Курбский находит самые проникновенные слова, описывая личные качества и мужество казанского епископа Германа Садырева:

«Аще же и от осифлянскихъ мнихов четы презыде, но отнюдь обычая их лукаваго и обыкновенного ихъ лицемѣрия не причастень былъ, но человекъ простой, истинный и непоколебим в разумѣ, и великъ помошникъ был в напастѣх и в бедахъ объятим, также и ко убогимъ милостивъ зело» [Курбский, 1986, с. 366]. При этом он называет казанского епископа «ревнителем», что, по сути, является антонимом все тех слов, которыми Курбский именует пособников тирании. В переводческой практике древнерусской книжности слова «ревность (ръвьньствиѣ)», «ревновати», «ревнитель» рассматривались в качестве эквивалентов греческих лексем ζήλος/ζήλωμα, ζηλόω, ζηλωτής – «рвение, стремление, усердие, подражание» и производных от них грамматических форм [Срезневский, 1912, с. 213–215; Slovník, 1976, р. 658–659].

Разумеется, эталоном «ревнителя» для Курбского оставался Вассиан Патрикеев («Иоанну Крестителю ревностию уподобился» [Курбский, 1986, с. 220]), но даже Иван Грозный удостоивается подобной оценки за те деяния, которые он совершал в годы «Избранной рады», когда усилиями Сильвестра и Адашева был избавлен от влияния «ласкателей и человекогодников». В этом «первый диссидент» видит подлинную причину ратных подвигов молодого Ивана: «Видѣвъ же таковыя неизреченны божия щедроты, такъ вскорѣ бываемыя, и самъ царь возревновалъ ревностию, началъ противъ враговъ самъ ополчати свою славою и собирати себѣ воинство множайшее и храбрѣйшее» [Курбский, 1986, с. 228–230].

Иными словами, если перевести политическую аксиологию Курбского в современный категориальный аппарат, речь идет о дихотомии ценностей и интересов в ее

крайних, полярных формах: беспринципным конформистам без идеалов и нравственного стержня, руководствующимся исключительно выгодой, извлекаемой из лояльности государству, противостоят люди идеи, неконформисты, непоколебимо верные собственным убеждениям, долгу и чести. Но два эти антипода отнюдь не самодостаточны. Та сила, к которой они постоянно апеллируют — одни, безропотно ей подчиняясь, другие — наивно полагая, что могут влиять на нее, — это власть, обладание которой делает ее носителей стократ циничнее любых ее «потаковников». Повторный и окончательный разлад власти и нестяжателей показал, что надежды последних на роль мудрых наставников при властителях, следующих законам божеским и человеческим, — почти утопия.

Сделаем акцент на слове «почти». С одной стороны, власть в лице Василия III наглядно продемонстрировала интеллектуалам свое инструментальное к ним отношение: полемика между иосифлянами и нестяжателями продолжалась ровно до того момента, пока у государя оставались на то свои резоны, и он не принял окончательного решения, сочтя дальнейшие прения бесполезными. Как не увидеть в этом «историческую рифму» и предвестие известных слов Николая II про «бессмысленные мечтания» или не менее знаменитой фразы А.Г. Железняка, обращенной к витиям Учредительного собрания, мнившим себя «солью земли русской»: «Караул устал!»? С другой стороны, политическая история России демонстрирует удручающую закономерность в чередовании периодов «сильной власти» и коротких антрактов между ними — пресловутых «оттепелей», когда вчерашние палачи предаются анафеме, их приспешники начинают дружно каяться, жертвы реабилитируются, борцы с тиранией становятся властителями дум, а сами власть имущие с трепетом внимают каждому их слову. Однако причины таких переоценок ценностей до банальности просты: «оттепель» не начинается прежде, чем власть своей собственной политикой «держат и не пущат» не загоняет общество и самое себя в безвыходное положение, а градус социального напряжения не достигает критической отметки. Но как только пар выпущен из котла и устранена или отсрочена угроза политического коллапса, период идиллии в отношениях между интеллектуалами и властью подходит к своему закономерному завершению.

Свидетелем первой такой «оттепели», ее историографом и мифотворцем стал сам А.М. Курбский, назвав «Избранной Радой» плеяду «ревнителей», пришедших на смену «потаковникам» после страшного московского пожара и восстания в 1547 г. До второй «оттепели», наступившей после смерти царя-Ирода он не дожил всего год. Но предыстория этого нового периода гармонии интеллектуалов и власти, а также тех идей, под знаком которых произошло примирение общества, церкви и государства, восходят к тем же событиям 1522 г. Возвращаясь к теме годовщин и юбилеев, отметим, что понимание произошедшего в том году излома позволяет иначе взглянуть на обстоятельства возникновения и внутренний смысл одной из самых узнаваемых и наиболее мифологизированных политических идей русского Средневековья — «Москва — Третий Рим». Это тем паче актуально, поскольку названная теория, возникшая в непосредственной хронологической и логической

связи с описанными событиями, в самом ближайшем будущем также отметит свой 500-летний юбилей. Собственно, она уже сегодня вновь «на слуху», но нетрудно догадаться, что по мере приближения к годовщине число желающих воздать этой идее хвалу или проклятие, будет расти в геометрической прогрессии.

Оставляя в стороне всю необъятную историографию данного вопроса, набрасываем лишь общий контур этого сюжета в его связи с избранной нами темой «ревнителей» и «потаковников». Диапазон трактовок исторического значения и политического (точнее – религиозно-политического) содержания концепции, сформулированной псковским старцем Филофеем, огромен – от «величественной теории мирового и исторического призвания русского народа и государства» [Малинин, 1901, с. 761] до «апокалиптического бреда маргинального провинциального монаха» [Бушкович, 2003, с. 115], от «первоисточника сознания вселенской миссии Российского государства» [Сугановић, 2019, р. 30] до «диалектики агрессии и мании преследования» [Тоуманов, 1955, р. 447]. Тем не менее почти никто из историков и публицистов Нового времени (за исключением, быть может, В.С. Соловьева и прот. Г. Флоровского), обращавшихся к данной теме, не разглядел за всеми последующими интерпретациями теории Филофея ее исходный смысл и контекст. Как верно заметил Г. Флоровский, «в послании великому князю Филофей именно предостерегает и даже грозит, но не славословит» [Флоровский, 1937, с. 11]. Впрочем, в увещеваниях псковского старца был не только «апокалиптический», как полагал Флоровский, но и вполне реальный социально-политический смысл.

Обращаясь к власти и в лице великокняжеского дьяка М.Г. Мисюря Мунехина, и к самому Василию III, Филофей формулирует идею Третьего Рима как *христианского царства* – инструмента осуществления божественного плана спасения. А потому Москва, обретя это достоинство, должна стать эталоном религиозного благочестия и соблюдения божественных и человеческих законов. Ветхий и Новый Рим пали потому, что им такая ответственность оказалась не по плечу, и теперь это испытание выпало Российскому государству. Но если в Москве повторятся те же беззакония, что в Риме и Царьграде, Бог отвернется и от нее. Но это будет означать окончательное крушение «вечного Рима» – последней препоны Антихристу. Поэтому известная чеканная формула «два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [Филофей, 1984b, с. 452] имеет смысл именно предостережения, а не возвеличивания Московского государства [подробнее см.: Кореневский, 2021]. Однако ни Василий III, ни Иван Грозный не имели ни малейшей заинтересованности в признании теории, ставившей во главу угла идею ответственности власти перед церковью и Богом (а значит – и перед воцерковленным обществом) и права духовенства «наставлять и печаловаться». Но после смерти Ивана IV, когда возникла острая потребность в преодолении взаимной отчужденности между государством и церковью, между властью и обществом, правительство царя Федора Ивановича и Бориса Годунова берет эту теорию на вооружение. По справедливому замечанию Р.Г. Скрынникова учреждение патриаршества, теоретически обоснованное ссылкой на послания Филофея, было осуществлено по инициативе и силами светской

власти [Скрынников, 1991, с. 345–363]. И далее, в результате последовательных усилий властей теория «Москва – Третий Рим» находит отражение в актах государственно-правового характера и фактически становится официальной религиозно-политической доктриной Российского царства.

Пожалуй, это был самый длительный период в истории России, когда власть прислушивалась к «ревнителям» по той причине, что вплоть до середины XVII в. она не обладала той силой, которая позволила бы действовать без оглядки на общественные настроения. Но как только страна преодолела последствия Смуты, тотчас же было продолжено созидание державного Левиафана. И все вернулось на круги своя: власть продолжила возвращать «потаковников», оставив «ревнителям» нехитрый выбор: брюзжать втихомолку, идти в острог и на плаху или самим превращаться в «потаковников», «реалистов», прагматиков, конформистов... Время шло, их имена менялись, суть оставалась прежней.

* * *

Пять веков продолжается русский спор о власти, и пять веков звучат одни и те же инвективы и lamentации: одни сетуют на дефицит здорового прагматизма в российской политике, другие апеллируют к вечным ценностям и призывают помнить о «слезе ребенка». И у каждой стороны своя доля правды. Но что для общества является большей опасностью – бездушный «реализм», низводящий людей до положения пресловутых «винтиков» с хорошо известными последствиями или неразумный «идеализм», от которого полшага до фанатизма? Антитеза «реалисты – идеалисты» по-прежнему актуальна. А потому вновь заглянем в роман Д.Л. Мордовцева. Мы говорили о том, что автор на протяжении всего повествования увязывает канву сюжета с прошлым, но в последней сцене романа он приоткрывает будущее. Причем делает это – не провидение ли? – так, как если бы это был киносценарий, в котором описание дается «через объектив камеры». Вслед за «крупным планом» сцены казни Левина автор открывает взору читателя городской ландшафт, выхватывая то тех, то других участников драмы, а затем переводит взгляд на окошко домика, за которым виден человек, считающий деньги: «Это – посадский человек Федор Каменщиков, реалист, будущий российский буржуа, получивший триста рублей за глупую голову идеалиста». И завершает роман фраза, в которой слышится горестный вздох: «Бедные, глупые идеалисты! Когда же вы поумнеете?» [Мордовцев, 1989, с. 316].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.И. Иосифляне // Православная энциклопедия. Т. 26. Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. С. 78–85.

Баранов Н.А. Либерально-консервативный синтез в России: история и перспективы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование: политология, экономика, право. Научный журнал. 2010. Т. 3. № 5. С. 90–102.

- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. Москва: Наука, 1986. 256 с.
- Бушкович П. Православная церковь и русское самосознание XVI–XVII вв. // *Ab Imperio*. 2003. № 3. С. 101–117.
- Быков П.В. Д.Л. Мордовцев. Критико-биографический очерк // *Полное собрание исторических романов, повестей и рассказов Даниила Лукича Мордовцева с портретом автора и критико-биографическим очерком, составленным П.В. Быковым*. Т. 1. Санкт-Петербург: Издательство П.П. Сойкина, 1914. С. III–XXXVIII.
- Герберштейн С. Московия. Москва: АСТ: Астрель, Владимир: ВКТ, 2008. 703[1] с.
- Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. В 15 томах. Т. 9. Москва: Типогр. Н. Степанова, 1838. 576 с.
- Ерусалимский К.Ю. Сборник Курбского. Т. I: Исследование книжной культуры. Москва: Знак, 2009. 888 с.
- Ерусалимский К.Ю. Археографический разбор // *Андрей Курбский. История о делах великого князя московского*. Москва: Наука, 2015. С. 288–395.
- Иосиф Волоцкий. Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих. Казань: Тип. Императорского университета, 1896. 551 с.
- Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). Москва: «Мысль», 1972. 452 с.
- Кореневский А.В. Идеологема отложенного спроса, или Сколько раз «изобретали» теорию «Москва – Третий Рим»? // *Исторический курьер*. 2021. № 6(20). С. 9–28.
- Курбский А.М. История о великом князе Московском // *Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века*. Москва: Художественная литература, 1986. С. 218–399.
- Кюстин А. Николаевская Россия: Пер. с фр. Москва: Политиздат, 1990. 352 с.
- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. Издание второе. Т. 8. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 15–227.
- Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев: Типогр. Киево-Печерской лавры, 1901. V, 768 с. Примечания. 106 с. Приложения. 144 с.
- Мень А. История религии: В поисках Пути, Истины и Жизни. В 7 т. Т. VII: Сын Человеческий. Москва: Слово, 1992. 381 с.
- Мордовцев Д.Л. Идеалисты и реалисты. Москва: Книга, 1989. 332 с.
- Нарский И.В. Взгляд на российский консервативный либерализм начала XX в. из историко-культурной перспективы // *Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Москва: РОССПЭН, 2001. С. 214–224.
- Отрывок следственного дела о Иване Берсене и Федоре Жареном, с допросами старцу Максиму Греку и келейнику его Афанасию // *Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Имп. Академии*

- наук. Т. 1. Санкт-Петербург: Типогр. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. С. 141–145.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Ленинград: Наука, 1979. 432 с.
- Пустарнаков В.Ф. Либеральный консерватизм и либерализм в России XIX–начала XX в.: различия и сходства // *Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Москва: РОССПЭН, 2001. С. 11–29.
- Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XV вв. Новосибирск: Наука, 1991. 398 с.
- Соколов Н.Н. Петр Великий и Вальтер–Скотты – могильщики // *Русская старина*. 1894а. Т. 81. № 2. С. 191–209.
- Соколов Н.Н. Петр Великий и Вальтер–Скотты – могильщики // *Русская старина*. 1894б. Т. 81. № 3. С. 164–192.
- Софийская вторая летопись // *Софийские летописи (Полное собрание русских летописей. Т. VI)*. Санкт-Петербург: Типогр. Эдуарда Праца, 1853. С. 119–276.
- Стоик (Шубин Д.) Об авторстве четвертого Евангелия // *ΕΣΧΑΤΟΣ*. 30.11.2013. URL: <https://esxatos.com/articles/avtorstvo-chetvertogo-evangeliya> (дата обращения – 30 мая 2022 г.).
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Санкт-Петербург: Типогр. Императорской Академии наук, 1902. 919 с.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. Санкт-Петербург: Типогр. Императорской Академии наук, 1912. 996 с.
- Струве П.Б. О мере и границах либерального консерватизма // *Полис*. 1994. № 3. С. 131–134.
- Филофей. Послание великому князю Василию, в котором об исправлении крестного знамения и о содомском блуде // *Памятники литературы Древней Руси. Конец XV–первая половина XVI века*. Москва: Художественная литература, 1984а. С. 436–441.
- Филофей. Послание о злых днехъ и часехъ // *Памятники литературы Древней Руси. Конец XV–первая половина XVI века*. Москва: Художественная литература, 1984б. С. 442–455.
- Филюшкин А.И. Андрей Курбский. Москва: Молодая гвардия, 2008. 299[5] с.
- Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. V, 601 .
- Челобитная царю рязанского епископа Леонида на архиепископа ростовского Евфимия // *Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией*. Т. 1. Санкт-Петербург: Типогр. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. С. 410–411.
- Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. 539 с.
- Эко У. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки: Учебно-методическое пособие. Пер. с ит. Е. Костюкович. Москва: Книжный дом «Университет», 2003. 240 с.

Bendix R. *In search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies*. Madison: University of Wisconsin Press, 1997. 306 p.

Curanović A. Conventional Wisdom and Contemporary Russian Messianism. A Critical Verification // *MGIMO Review of International Relations (Вестник МГИМО-Университета)*. 2019. № 1(64). Pp. 28–44.

Hymes D. Folklore's Nature and the Sun's Myth // *Journal of American Folklore*. 1975. Vol. 88. № 350. Pp. 345–369.

Keenan E.L. *The Kurbskii–Groznyi Apocrypha: The Seventeenth Century Genesis of the Correspondence, Attributed to Prince A.M. Kurbskii and Tsar Ivan IV*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1971. XII, 244 p.

Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae paleoslovenicae. S. 30. Praha: Academia, 1976. 672 s.

The Invention of Tradition. Ed. E.J. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. VI, 320 p.

Toumanoff C. Moscow the Third Rome: Genesis and Significance of a Politico-Religious Idea // *The Catholic Historical Review*. 1955. Vol. 40. № 4. Pp. 411–447.

Williams R. *The Long Revolution*. London: Pelican, 1961. 399 p.

REFERENCES

Alekseev A.I. Iosifyane [Iosifites], in *Pravoslavnaya enciklopediya*. Vol. 26. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya enciklopediya", 2011. Pp. 78–85 (in Russian).

Baranov N.A. Liberal'no-konservativnyy sintez v Rossii: istoriya i perspektivy [Liberal-Conservative Synthesis in Russia: history and prospects], in *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie: politologiya, ekonomika, pravo. Nauchnyy zhurnal*. 2010. Vol. 3. No. 5. Pp. 90–102 (in Russian).

Blok M. *Apologiya istorii ili Remeslo istorika* [Apology of History or the Craft of a Historian]. Moscow: Nauka, 1986. 254 p. (in Russian).

Bushkovitch P. Pravoslavnaya tserkov' i Russkoye samosoznanie XVI–XVII vv. [Orthodox Church and Russian National Consciousness in the 16th–17th Centuries], in *Ab Imperio*. 2003. No. 3. Pp. 101–117 (in Russian).

Bykov P.V. D.L. Mordovtsev. Kritiko-biograficheskiy ocherk [D.L. Mordovtsev. Critical-Biographical Essay], in *Polnoe sobranie istoricheskikh Romanov, povestey i rasskazov Daniila Lukicha Mordovtseva s portretom avtora i kritiko-biograficheskim ocherkom, sostavlenным P.V. Bykovym* [A complete collection of historical novels, novellas and short stories by Daniil Lukich Mordovtsev with a portrait of the author and a critical biographical essay compiled by P.V. Bykov]. Vol. 1. St. Petersburg: Izdatel'stvo P.P. Soykin, 1914. Pp. III–XXXVIII (in Russian).

Herberstein S. *Moskoviya* [Muscovy]. Moscow: AST: Astrel', Vladimir: VKT, 2008. 703[1] p. (in Russian).

- Golikov I.I. *Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazitelya Rossii. V 15 tomakh* [The Works of Peter the Great, the Wise Transfigurer of Russia. In 15 vol.]. Vol. 9. Moscow: Tipogr. N. Stepanova, 1838. 576 p. (in Russian).
- Erusalimskiy K.Yu. *Arkheograficheskiy razbor* [Archaeographical Analysis], in *Abdrei Kurbskii. Istoriya o delakh velikogo kmyazy moskovskogo* [Andrei Kurbsky. The history of the affairs of the Grand Duke of Moscow]. Moscow: Nauka, 2015. Pp. 288–395 (in Russian).
- Erusalimskiy K.Yu. *Sbornik Kurbskogo. T. 1: Issledovanie knizhnoy kul'tury* [Kurbskii's Miscellany. Vol. 1: A Study of Bookish Culture]. Moscow: Znak, 2009. 888 p. (in Russian).
- Zimin A.A. *Rossiya na poroge novogo vremeni: Ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI v.* [Russia on the Threshold of a New Time: Essays on the Political History of Russia in the First Third of the 16th Century]. Moscow: Mysl', 1972. 452 p. (in Russian).
- Iosif Volotskii. *Prosvetitel', ili Oblichenie eresi zhidovstvuyuschikh* [The Enlightener: Or the Exposure of the Judaizer' Heresy]. Kazan': Tipogr. Imperatorskogo universiteta, 1896. 551 p. (in Russian).
- Korenevskiy A.V. *Ideologema otlozhennogo sprosa, ili Skol'ko raz "izobretaly" teoriyu "Moskva – Tretiy Rim"?* [The Ideologeme of Deferred Demand, or How Many Times the Theory of "Moscow as the Third Rome" Was "Invented"?], in *Historical Courier*. 2021. No. 6(20). Pp. 9–28 (in Russian).
- Kurbskii A.M. *Istoriya o velikom knyaze Moskovskom* [The History of the Great Duke of Moscow], in *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Vtoraya polovina XVI veka* [Monuments of literature of Ancient Russia. Second half of the 16th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986. Pp. 218–399 (in Russian).
- Custine A. *Nikolayevskaya Rossiya* [Nicholas' Russia]. Moscow: Politizdat, 1990. 352 p. (in Russian).
- Malinin V. *Starets Eleazarova monastyrnya Filofei i ego poslaniya* [The Elder of Eleazar's Monastery Filofei and His Epistles]. Kiev: Tipogr. Kievno-Pecherskoy Lavry, 1901. V, 768 p. Primechaniya [Commentary]. 106 p. Prilozheniya [Appendixes]. 144 p. (in Russian).
- Marx K. *Vosemnadsatoe bryumera Lui Bonaparta* [The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte], in Marx K., Engels F. *Sochineniya. Izdanie vtoroe* [Works. Second edition]. Vol. 8. Moscow: Gosudarstvennoe izdstel'stvo politicheskoy literatury, 1957. Pp. 15–227 (in Russian).
- Men' A. *Istoriya religii: V poiskakh Puti, Istiny i Zhizni. V 7 t. T. VII: Syn Chelovecheskiy* [The History of Religion: In Search for Way, Truth and Life. In 7 Vol. Vol 7th: The Son of Man]. Moscow: Slovo, 1992. 381 p. (in Russian).
- Mordovtsev D.L. *Idealisty i realisty* [The Idealists and Realists]. Moscow: Kniga, 1989. 332 p. (in Russian).
- Narskiy I.V. *Vzglyad na rossiyskiy konservativnyy liberalism nachala XX v. iz istoriko-kul'turnoy perspektivy* [View on the Russian Conservative Liberalism of the Early 20th Century from Historical-cultural Perspective], in *Liberal'nyy konservatism: istoriya i sovremennost'*. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Liberal conservatism: history and modern change. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Moscow: ROSSPEN, 2001. Pp. 214–224 (in Russian).

Otryvok sledstvennogo dela o Ivane Bersene i Fyodore Zharenom, s doprosami startsu Maximu Greku i keleyniku ego Afanasyu [Excerpt from the Investigatory Record of Ivan Bersen' and Fyodor Zharenyi with the Interrogations of Elder Maxim the Greek and His Anchorite Afanasii], in *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy ekspeditsieyu Imp. Akademii nauk* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of Imp. Academy of Sciences]. Vol. 1. St. Petersburg: Tipogr. II Otd. Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii, 1836. Pp. 141–145 (in Russian).

Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [The Correspondence between Ivan the Terrible and Andrei Kurbskii]. Leningrad: Nauka, 1979. 432 p. (in Russian).

Pustarnakov V.F. Liberal'nyy konservatism i liberalism v Rossii XIX–nachala XX v.: razlichiya i skhodstva [Liberal Conservatism and Liberalism in Russia of the 19th – early 20th Century: Differences and Similarities], in *Liberal'nyy konservatism: istoriya i sovremennost'*. *Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Liberal conservatism: history and modernity. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Moscow: ROSSPEN, 2001. Pp. 11–29 (in Russian).

Skrynnikov R.G. *Gosudarstvo i tserkov' na Rusi XIV–XV vv.* [The State and Church in Russia in the 14th–16th centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1991. 398 p. (in Russian).

Sokolov N.N. Petr Velikiy i Val'ter-Skotty – mogil'schiki [Peter the Great and Walter-Scotts – Gravediggers], in *Russkaya starina*. 1984. Vol. 81. No. 2. Pp. 191–209 (in Russian).

Sokolov N.N. Petr Velikiy i Val'ter-Skotty – mogil'schiki [Peter the Great and Walter-Scotts – Gravediggers], in *Russkaya starina*. 1984. Vol. 81. No. 3. Pp. 164–192 (in Russian).

Sofiyskaya vtoraya letopis' [Sophia Second Chronicle], in *Sofiyskie letopisi (Polnoye sobranie russkikh letopisey. T. VI)* [Sofia chronicles (Complete collection of Russian chronicles. Vol. VI)]. St. Petersburg: Tip. E. Pratsa, 1853. Pp. 119–276 (in Russian).

Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. T. 2* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. Vol. 2]. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoy Akademii nauk, 1902. 919 p. (in Russian).

Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. T. 3* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. Vol. 3]. St. Petersburg: Tipogr. Imperatorskoy Akademii nauk, 1912. 996 p. (in Russian).

Stoik (Shubin D.) Ob avtorstve chetvertogo evangeliya [On the Authorship of the Fourth Gospel], in *ΕΣΧΑΤΟΣ*. 30 November 2013. Available at: <https://esxatos.com/articles/avtorstvo-chetvertogo-evangeliya> (accessed 30 May 2022).

Struve P.B. O mere i granitsakh liberal'nogo konservatizma [On the Measure and Borders of Liberal Conservatism], in *Polis*. 1994. No. 3. Pp. 131–134 (in Russian).

Filofei. Poslanie o zlykh dnekh i chasekh [Epistle on Sinister Days and Hours], in *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV–pervaya polovina XVI veka* [Monuments of literature of Ancient Russia. Late 15th–first half of the 16th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1984. Pp. 442–455 (in Russian).

- Filofei. Poslanie velikomu kmyazyu Vasiliyu [Epistle to the Grand Duke Vasiliij], in *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Konets XV–pervaya polovina XVI veka* [Monuments of literature of Ancient Russia. Late 15th–first half of the 16th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1984. Pp. 442–455 (in Russian).
- Filyushkin A.I. *Andreii Kurbskii* [Andreii Kurbskii]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2008. 299[5] p. (in Russian).
- Florovskiy G. *Puti russkogo bogosloviya* [The Ways of the Russian Theology]. Paris, 1937. V, 601 p. (in Russian).
- Chelobitnaya tsaryu ryazanskogo episkopa Leonida na arkhiepiskopa rostovskogo Evfimiya [Ryazan Archbishop Leonid's Kowtow to Tsar on bishop Evfimii of Rostov], in *Akty istoricheskie, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoyu komissiiy* [Historical acts collected and published by the Archeographic Commission]. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. Ekspeditsii zagotovleniya goswdsrsnvennykh bumag, 1841. Pp. 410–411 (in Russian).
- Chistov K.V. *Russkaya narodnaya utopiya (genesis i funktsii social'no-utopicheskikh legend)* [Russian Folklore Utopia (Genesis and Functions of Social-utopian Legends)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2003. 539 p. (in Russian).
- Eco U. *Kak napisat' diplomnuyu rabotu. Gumanitarnyye nauki: Uchebno-metodicheskoe posobie* [How to Write a Thesis. Humanities: Guidance Manual]. Moscow: Knizhnyy dom "Universitet", 2003. 240 p. (in Russian).
- Bendix R. *In search of Authenticity: The Formation of Folklore Studies*. Madison: University of Wisconsin Press, 1997. XI, 306 p.
- Curanović A. Conventional Wisdom and Contemporary Russian Messianism. A Critical Verification, in *MGIMO Review of International Relations*. 2019. No. 1(64). Pp. 28–44.
- Hymes D. Folklore's Nature and the Sun's Myth, in *Journal of American Folklore*. 1975. Vol. 88. No. 350. Pp. 345–369.
- Keenan E.L. *The Kurbskii–Groznyi Apocrypha: The Seventeenth Century Genesis of the Correspondence, Attributed to Prince A.M. Kurbskii and Tsar Ivan IV*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1971. XII, 244 p.
- Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae paleoslovenicae*. S. 30. Praha: Academia, 1976. 672 s.
- The Invention of Tradition*. Ed. E.J. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. VI, 320 p.
- Toumanoff C. Moscow the Third Rome: Genesis and Significance of a Politico-Religious Idea, in *The Catholic Historical Review*. 1955. Vol. 40. No. 4. Pp. 411–447.
- Williams R. *The Long Revolution*. London: Pelican, 1961. 399 p.

Статья принята к публикации 20.03.2022